

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Наши журналы.

Положеніе критиковъ. — „Три года“ рассказъ А. Чехова. — „Практика жизни“, повесть г. Салова, — „Хлебъ“, романъ г. Мамина-Сибиряка. — „Великій“, повѣсть Э. Ожешковой. — „Мое научное и литературное скитальчество“, М. Ковалевскаго. — „Памяти А. М. Иванцова-Платонова“, М. С. Карелина. (Русская Мысль, январь).

„Нашему поколѣнію—крышка“, говоритъ одинъ изъ чеховскихъ героевъ, и въ этомъ суровомъ, безпощадномъ приговорѣ скрытъ глубокой знаменательный историческій смыслъ. На сѣбѣ „отца“, энергичнымъ, живымъ, съ вѣтрою въ душѣ, съ опредѣленными и ясными идеалами, пришли дѣти, тоскующіе „восьмидесятилетки“, съ погибшими мечтами, дряхлые неврастепенки и вытѣки, уставшіе подъ бременемъ идей и принциповъ. Исполнилось пророчество Тургенева, что не будетъ больше „блестящихъ натуръ“. Время великихъ людей, какъ говорилъ Амшель, уходитъ. Наступаетъ эпоха муравейника, жизни толпы, вялой и худосочной. Ничего оригинальнаго, ничего свѣжаго. Такихъ вотъ должно представиться наше поколѣніе буду-

щему историкъ, когда онъ станетъ изучать литературу нашихъ дней. И онъ будетъ правъ. Наша литература не знаетъ здоровыхъ, цѣльныхъ натуръ; ея симпатіи на сторонѣ трусливыхъ, слабыхъ, ничтожныхъ человѣчковъ, ничего не признающихъ, ни во что не вѣрящихъ, не пригодныхъ для жизни...

И вотъ передъ нами снова встаютъ эти знакомыя фигуры. Мы говоримъ про рассказъ А. Чехова „Три года“, начало котораго помѣщено въ январской книжкѣ Русской Мысли. Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе оставляетъ онъ, какъ, впрочемъ, и все вообще написанное этими авторомъ, по преимуществу, поэтомъ „хмурыхъ“ людей. Читаешь и съ каждой страницей чувствуешь, какъ тебя все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ тяжелая, больная атмосфера. Кругомъ тебѣ одни только больные, разслабленные люди, неспособные ни на что сильное, смѣлое; всего боятся они, все смутно для нихъ, полно противорѣчій. Передъ каждымъ пустякомъ, передъ каждымъ шагомъ своимъ они готовы останавливаться въ мучительномъ сомнѣніи и теряться. Таковъ и главный герой разсказа Лаптевъ, купеческій сынъ, человѣкъ интеллигентный въ смыслѣ дипломности, любитель хорошихъ, умственныхъ книжекъ.

Съ пяти лѣтъ отецъ сталъ уже учить его или, попросту говоря, какъ самъ выражается, бить. Онъ стѣлъ его розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ; ребенокъ дрожалъ въ присутствіи отца и, просыпаясь, каждое утро думалъ, прежде всего: будутъ-ли сегодня драть меня? Играть, шалить строго запрещалось; онъ съ братомъ своимъ долженъ былъ ходить въ утренніи и ранней обѣднѣ, цѣловать попацѣ и монахамъ руки, читать дома акакисты. „Ты вотъ религіозен“,—говорилъ Лаптевъ своей женѣ,—а я боюсь религіи, и когда прохожу мимо церкви, мнѣ припоминается мое ненавистное дѣтство и становится жутко“. Ему было восемь лѣтъ, когда отецъ помѣстилъ его въ амбаръ, гдѣ ему приходилось работать, какъ простому мальчику; но побой и здѣсь не прекращались. Потомъ отдалъ его въ гимназію; по утрамъ учился, а отъ обѣда до вечера приходилось все-же просиживать въ амбарѣ. Таково было дѣтство нашего героя. Какъ видитъ читатель, воспитывали его совсѣмъ по рецепту г. Розанова: ни глобусовъ, ни другихъ пособій онъ не зналъ. Только розги скрашивали монотонную жизнь его.

Но яркой и сложной душа его отъ этого не сдѣлалась, какъ полагаетъ г. Розановъ, и передъ нами стоитъ изломанный, ни на что не годный че-

„Каспий“ (Баку), 1895, 9 февраля, № 32, с 2.

двѣли, первымъ находить необходимость

ловѣтъ. Безконечныя сомнѣнія терзаютъ его постоянно. Влюбляется онъ въ дѣвушку, дѣлаетъ предложеніе въ самой глупой формѣ, получаетъ отказъ и страшно мучается; соглашается быть его женой возлюбленная и опять тѣ же мученія, тѣ же страданія, тѣ же сомнѣнія, что его не любятъ, презираютъ и прельщаются только его богатствомъ, наконецъ, онъ женится, но и тутъ даже тѣни счастья нѣтъ въ его жизни... Тоска не покидаетъ его; все раздражаетъ его—и трескъ въ комнатахъ, и шаги знакомые, и разговоръ. Дошло до того, что и плакать онъ уже не могъ. „Было жутко ему и давило подъ сердцемъ“.

Жалкій, несчастный человѣкъ! только и можетъ воскликнуть читатель. Но кто-же виновать въ томъ, что убило въ немъ свободную душу, что сдѣлало его умственнымъ и нравственнымъ кастратомъ? Розги отца, побои, страхъ и вся амбарная обстановка? Быть можетъ, конечно, и такъ, но тогда зачѣмъ-же говорить объ исключеніяхъ; вѣдь не все-же современное поколѣніе воспитывалось подъ свистъ розогъ, а ему, тѣмъ не менѣе, объявляется тѣмъ-же г. Чеховымъ—крышка. Стало быть, не розги, не тяжелое, исключительное дѣтство создаетъ Лаптевыхъ, этихъ излюбленныхъ г.

Чеховымъ героевъ безволія. А если такъ, то что-же?

На этотъ вопросъ намъ можетъ отвѣтить только одна исторія. Всегда, учить она, когда изсякалъ живой источникъ энергичной общественной мысли, когда человѣкъ, силою вещей, обрекался на одиночество, на бездѣятельность, когда только страхъ одиозъ царить надъ общественнымъ сознаніемъ, всегда въ такіе моменты наступала эпоха муравьиныхъ, пчелиныхъ... И счастье еще, что Лаптевы сравнительно безвредны; они страдаютъ, но страдаютъ лично, причиняя мученія только близкимъ своимъ, но случается, когда ихъ мозгъ, болѣзненно склонный ко всякой галиматіи, вдругъ увлекается одной идеей, а тогда бѣда. Изъ жалкихъ нитиковъ они превращаются въ „патріотовъ своего отечества“, въ краколюцевъ, въ Розановыхъ и Тихомировыхъ. „Если кто изъ нашей братіи, говоритъ Лаптевъ, занимается спиритизмомъ или магнетизмомъ, тотъ ужъ непременно и гомеопатъ, и метафизикъ, и символистъ, вѣруеть въ три свѣчи и въ тринадцатое число, ругаетъ цивилизацію во имя витанзма, о которомъ онъ понятія не имѣетъ, и подавайте ему науку не иначе, какъ національную. Такое состояніе ума, конечно, не удовлетворяетъ, человѣкъ испытываетъ смутное недовольство

собою, всегда онъ раздраженъ, озлобленъ и, одержимый духомъ противорѣчія, готовъ ужъ просто изъ самолюбія увѣрить, что идеалы русскаго человека—въ невѣжествѣ, въ розгахъ, въ нищетѣ“...

Но и эти психопаты, какъ и родичи ихъ Лаптевы, представители одного и того-же поколѣнія, которому—крышка, и чѣмъ скорѣе будетъ это, тѣмъ лучше.

Не такихъ героевъ, видимо, думаетъ, преподнести намъ г. Саловъ въ своей повѣсти—„Практика жизни“, помѣщенной въ той же книжкѣ журнала. Не нитикъ, не больной на этотъ разъ передъ нами, а здоровый, полный жизни, съ ясно опредѣленными задачами человѣкъ. Онъ живетъ въ деревнѣ и тутъ, среди дѣвственной свѣжести людей и природы, вдали отъ суетливыхъ и болѣзненно гнѣющихся городскихъ центровъ, онъ обретаетъ счастье свое, занимаясь работой, полной нравственныхъ идеаловъ. Словомъ, это былъ идеалистъ, преданный отвѣтъ идеаламъ со всею искренностью и восторженностью, на каія только способна была душа. Повѣсть не кончена, и мы будемъ еще имѣть случай вернуться въ ней.

Помимо этихъ произведеній, въ журналѣ заслуживаютъ вниманія романъ г. Мамина-Сибиряка—„Хлѣбъ“ и повѣсть Элизы Ожешковой—„Великій“.

Альра.